

О ТРАДИЦИИ ДОМАШНИХ МОЛЕНИЙ В КАЛМЫЦКОМ БУДДИЗМЕ: СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВ*

Towards a Tradition of Home Prayers in Kalmyk Buddhism: the Specificity of Texts

Г. Б. Корнеев (G. Korneev)¹

¹младший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Written Monuments, Literature and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: cecerlig88@mail.ru.

Статья посвящена изучению традиции домашних молений калмыцких буддистов-мирян. Автор приходит к выводу, что данная традиция имеет древние истоки, но получила в калмыцком буддизме особую форму. Тексты, читаемые мирянами в определенные дни, имеют различное происхождение, и необходима работа по их идентификации.

Ключевые слова: буддизм, Калмыкия, миряне, молитвы, тексты.

The article is devoted to the study of the tradition of home prayers of Kalmyk Buddhist laymen. On the basis of the data on the traditions of Theravada and Mahayana, the author comes to the conclusion that the laity's tradition of prayer on special days three times each lunar month dates back to the ancient period of the history of Buddhism. Though the tradition is still preserved in Kalmyk Buddhism it has some specific features. Of particular importance are the texts, read by Kalmyk believers in Kalmyk and Tibetan languages during the days of fasting which are called Matsg. The author identifies 4 groups of texts and gives their examples. Further research will probably be connected with the identification process of all the texts included in the collections of the prayers of fasting days.

Keywords: Buddhism, Kalmykia, laity, prayers, texts.

Традиция мирян, практикующих буддийское учение, восходит к периоду раннего буддизма. Как в раннем, тхеравадинском, так и в позднем, махаянском, канонах имеются подтверждения того, что светские лица (не монахи) входили в первую буддийскую общину и даже достигали высоких духовных степеней. Так, в переводе основных частей палийского канона, в частности, в Маха Париниббана сутте, сказано, что Будда, дабы Ананда не докучал вопросами об участии различных учеников в Надике, научил его Зеркалу Дхармы, объяснив, что архатство для мирян хотя и возможно, но труднодостижимо [Пийя Тан]. Вместе с этим, в Маха Ваччаготта сутте, Сона сутте, Ваджиямахитта сутте, Гилаяна сутте, Аматаддаса сутте, Патипада сутте и Маханама сутте Будда наряду с монахами дает наставления и комментарии к правильному поведению и мирянам, которые, как и монахи, в результате диалога обретают плод архат-

ства [Пийя Тан]. Таким образом, в раннем буддизме практикующие учение Будды миряне считались полноценной частью благородной общины — духовного сообщества пробужденных.

Что касается махаянского буддизма — основной его идеей (впрочем, приведшей даже к расколу буддийской монашеской общины) буддологи считают расширение буддийской сангхи за счет допуска в нее мирян [Торчинов 2005: 62], потому мирской практике в махаяне уделено большее внимание, нежели в раннем, тхеравадинском буддизме. Среди канонических произведений буддизма махаяны имеются различные классы текстов, так или иначе предназначенные для практики мирянами. Например, таковой является основополагающая для философии мадхьямики сутра Вималакирти нирдеша, повествующая о беседе домохозяина Вималакирти с Буддой [Донец 2005: 6]. Среди других произведений махаянского буддиз-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02898).

ма, которые упоминают о важности и необходимости мирской практики, можно также назвать многие сутры девиционального характера, согласно классификации, предложенной Е. А. Торчиновым. Среди текстов, упоминающих участие мирян в буддийской практике, можно назвать сутру «Умиротворяющая черные скандалы», в которой домохозяин Чаруманта обращается с вопросами о защите жизни к Будде [Царь благих пожеланий 2015: 67], и многочисленные дхараны, в которых Будда пребывает в окружении великой общины бодхисаттв, монахов, монахинь, а также практикующих мирян, мужчин и женщин.

Приведенные в качестве примеров канонические буддийские тексты, в которых говорится о практикующих учение Будды мирянах, имеются и в тхераваде, и в махаяне. Они свидетельствуют о том, что в обеих традициях буддизма практика, которую применяли миряне, существовала уже во времена раннего буддизма, а не является, по выражению Е. А. Торчинова, «искусным средством» по привлечению большей аудитории к буддизму махаяны. Таким образом, необходимо особо подчеркнуть, что буддийская практика мирян — не позднее, развитое буддийскими теоретиками явление, а традиция, берущая, согласно буддийским текстам, начало от Будды Шакьямуни.

Распространение учения Будды за пределами Индии, на территории Кушанского царства, Центральной Азии и Ближнего Востока, дало толчок к формированию буддийского канонического искусства, новых буддийских культов, ритуалов и обрядов, которые привлекали значительное количество практикующих буддизм мирян [Хижняк 2008: 20–21]. Буддолог А. Берзин отмечает: «В каждой стране, куда проникал буддизм, возникали свои собственные формы буддизма, своя религиозная структура и свой духовный лидер» [Берзин].

Активному распространению буддийского учения в Азии способствовали торговые отношения между народами центральноазиатского региона. Анализ терминологии буддизма у монгольских народов показывает, что буддийская культура монголов, бурят и калмыков восходила через древних уйгуров к согдийцам. Об этом свидетельствует этимология многих монгольских буддийских терминов, заимствованных у уйгуров, а уйгурами, в свою очередь, — у согдийцев. О том, что уйгурский буддизм сложился

под влиянием именно согдийской традиции, свидетельствует уже первое письменно зафиксированное буддийское произведение, переведенное на уйгурский язык, — Нирвана сутра: она была записана согдийским алфавитом во второй половине 500 г. н. э. [Кляшторный, Султанов 2004: 169]. Известно, что уйгуры, переводя буддийские произведения на родной язык, создали филигранно разработанную буддийскую терминологию, которую позднее у них заимствовали уже для своих переводов монголы.

Для последователей буддийского учения в Центральной Азии многие принципы этой религии были трудно осуществимы. Например, для кочевников-скотоводов полный отказ от мяса противоречил традиционной культуре многих народов, а также был невозможен в силу географических и климатических условий. Их буддийская практика отказа от мяса (а также рыбы и яиц) ограничивалась особыми днями лунного месяца, коими являются восьмой, пятнадцатый и тридцатый лунный день. Подобная традиция связана с древнеиндийской добуддийской культурой, в которой указанные дни считались священными. В традиции раннего южного буддизма представители мирской общины верующих совершают особые молебны и соблюдают пост четыре раза в месяц — первого, восьмого, пятнадцатого и тридцатого числа. Тхеравадинский «облегченный» пост включает лишь два дня лунного месяца — пятнадцатый и тридцатый — и называется на сингальском языке *sathara pooya*. В Индии во времена существования там буддизма дни поста назывались *upavasta* [Позднеев 1993: 175]. В китайской буддийской традиции пост с чтением молитв в указанные дни лунного месяца называется 齋戒 (*zhaijie*). В такие дни буддисты-миряне соблюдают пост и проводят время в чтении молитв. У древних уйгуров мирской пост назывался *baṣaṭ*, что этимологически восходит к согдийскому слову *paṣ* — пост [ДТС 1969: 76], когда миряне посвящали свое время молитвам. Монголы, заимствовавшие основную буддийскую терминологию у уйгуров, переняли и это слово. В старописьменном монгольском языке оно пишется — *baṣaṭ*. В более поздней, приближенной к особенностям артикуляции монголов форме — *maṣag* (*masaṭ*), это слово со значением «пост» существует в монгольских языках и ныне [БАМРС 2: 329]. Этимология заимствованного монголами слова

baṣaṣu / taṣaṣu, восходящая к согдийскому языку, свидетельствует о том, что эта традиция буддийских молений и постов первоначально была заимствована монголами не из Тибета, а у центральноазиатских буддистов. Безусловно, в махаянском буддизме Тибета также есть традиция молений и постов мирян восьмого, пятнадцатого и тридцатого дня каждого лунного месяца. Такие дни и молебны, в это время исполняющиеся, носят название *bsnyen-gnas*.

Калмыки (как назвали позднее представителей части западномонгольских ойратских этнических групп, откочевавших из Центральной Азии в Нижнее Поволжье в конце XVI – начале XVII вв.) принесли буддизм в Европу. В калмыцком буддизме зародилась и развилась собственная традиция мирских молений, которую по сегодняшний день сохраняют пожилые люди, в основном женщины, называющие себя *мацгин санврта эмгчуд* — ‘пожилые женщины, соблюдающие обеты мацг’.

Традиция чтения буддийских молитв мирянами-калмыками освещалась в работах Г. Ю. Бадмаевой [2010], Э. П. Бакаевой [2010, 2011], В. К. Шивляновой [2001] и других исследователей. Э. П. Бакаева записала в начале 1990-х гг. молитвенные тексты дней поста со слов информантов и передала в Научный архив КИГИ РАН. Н. М. Дандырова опубликовала молитвенные тексты дней поста [Ик дүүцн 1999]. В данной статье к анализу привлекаются также полевые материалы (рукописный сборник молитв из коллекции автора, записанный для личного пользования Утнасуновой Эльзатой Акимовной, 1898 г. р.).

Форма буддийской практики, связанная с воздержаниями и молениями в особые дни лунного месяца, безусловно, является упрощенной, простонародной формой восприятия идей буддизма. Как справедливо заметил О. О. Розенберг, «...наряду с философскими течениями имелись всегда, имеются и по настоящее время простонародные формы буддизма, которые, правда, примыкают к тому или другому вероисповеданию; эти формы имеют в таком смысле вполне выработанный индивидуальный характер, хотя и по существу не представляют систем в смысле систем философии» [Розенберг 1991: 203]. Э. П. Бакаева [2008] отмечала взаимосвязь обрядов поста у калмыков с культом предков.

Калмыцкая традиция молений мирян относится к тибетской буддийской школе

Гелуг, которая была объявлена доминирующей у монгольских народов с XVII в., когда в 1640 г. на ойратско-монгольском съезде было принято решение придерживаться именно этого тибетского буддийского направления. Вместе с доминантой тибетской буддийской школы Гелуг в калмыцких степях интерес к мирской практике буддийского учения поддерживался буддийскими монастырями и калмыцким буддийским духовенством, покровительствующим практикующим мирянам. Так, в биографии Зая-пандиты Намкайджамцо, именуемой «Лунный свет», говорится следующее: *basa busu dgeslong dgecul bandi ubaṣi ubasanca nige ödüriyin bacaq abiṣiq udurilsu noyoudi öqböi* — ‘И еще другим гелонгам, гецулам, банди, мирянам и мирянкам даровал однодневные обеты, посвящения и комментарии к посвящениям’ [Раднаабдраа 2009: 103]. В своих наставлениях мирянам багши донских калмыков Менке Борманжинов также отмечает: «...мирянин должен соблюдать в известные дни «мацаки» (посты)» [Борманжинов 1998: 257].

О правилах таких молений И. А. Житецкий, побывавший в 1884–1886 гг. в кочевьях астраханских калмыков, писал: «Молиться, собственно, должно постоянно, непрерывно, а если этого нельзя сделать, то лучше все-таки держать «мацак» три раза в месяц. В «мацак» должно вставать рано, и если на ладони можно разглядеть линии, то следует начинать молиться; вести себя должно скромно и так продолжать до зари следующего дня» [Житецкий 1991: 70].

Текстовый состав молитв, читаемых мирянами, весьма неоднороден. В него входят традиционные тибетские буддийские махаянские тексты (с характерными для калмыцкой артикуляции искажениями тибетских слов), выдержки из сутр как на тибетском, так и на старописьменном ойратском языках, гимны буддийским божествам из категории *шаитр дун*, написанные неизвестными авторами, особые заклинания, в которых присутствуют элементы буддизма и добуддийских верований.

Тексты, которые традиционно читают в дни поста буддисты-миряне Калмыкии, можно разделить на четыре группы.

1. Народные версии тибетских буддийских текстов.
2. Выдержки из буддийских сутр (на тибетском и калмыцком языках).
3. Тибетские, ойратские и монгольские короткие тексты.

этого буддийского гимна, сохранившегося в устной передаче калмыцких верующих. Два текста (тибетский и калмыцкий) и тибетская транслитерация представляют ценный источник по изучению калмыцкой традиции чтения тибетских текстов.

2. Выдержки из буддийских сутр — это небольшие части некоторых махаянских текстов, как правило, взятых из наиболее доступных и понятных для простого последователя буддизма девициональных сутр. Так, широко распространенная у калмыцких буддистов-мирян молитва «Өглһнэ күчэр» — часть из буддийской культовой сутры «Безмерно долгая жизнь и превосходная мудрость» (тиб. *'phags pa tshe dang ye-shes drag tu med pa'i mdo*). Сравним калмыцкий текст из сборника молитв мирян, из классической ойратской сутры «саqlaši ügei nasun belge biliqtei» и тибетский вариант этого текста:

Калм. н. в.

Өглһнэ күчн-ер бурхн сээтүр харч
Күмни арслңгин өглһнэ күчинь унулж
Өршэнгүдтэнь авх балхтнь одх цагтнь
Өглһни күчн Дуни дүүрсх болтха
[Ик дүүцңгин 1999: 70].

Калм. совр.

Өглһин күчэр бурхн сээтр харн,
Күмни арслң, өглһин күч онж
Өршэнгүтэ авх балһдт орхд
Өглһин күчни ду дуурьсх болую.
[Өдр болһна 2012: 102].

Ойрат. транслит.

öqligüyin kücün ye:r burxan sayitur yarun
Kümüni arsalan öqligüyin kücü onoži
Örşö: nggüyitü abxu balıyadtu orxodu
Öqligüyin kücünü dou dourisxaxu boluyu
[saqlaši ügei nasun belge biliqtei,
текст из коллекции автора].

Тиб. транслит.

sbyin pa'i stobs kyis sangs rgyas yang
dag 'phags
mi yi seng ge spyin pa'i stobs rtogs nas
snying rje can gyi grong khyer 'jug pa na
spyin pa'i stobs kyı sgra ni grags par 'gyur |
[bkra shis brtsegs pa 2009: 188]

Рус.

Силой Даяния Будда превосходно
обрел святость,
Лев среди людей, [он] постиг силу Даяния,
Когда он вошел в град сострадания —
Восславил в глас силы Даяния
(пер. наш. — Г. К.).

Из приведенного примера видно, что текст калмыцкой молитвы, читаемой мирянами, сохранил архаичные, письменные формы, характерные для письменного ойратского языка XVII в. и дающие основания полагать, что он был взят из текста указанной сутры.

3. Тибетские, ойратские и монгольские короткие тексты в составе текстов «мацг» — это зачастую сложно поддающиеся идентификации части каких-либо буддийских неканонических произведений. Рассмотрим эту группу текстов на примере известного тибетского буддийского восхваления Ламы Цонкапы «Мигцема», состоящего из четырех строк:

Калм. н. в.

Мёнкн зевя дерсен жангрин зег
Рембе чембо бамбоа
Гочн гевя зужи зункова
Лузн ревя сулван солван деб
[Рукописный сборник].

Тибетский оригинальный текст звучит следующим образом:

Тиб. транскр.

Мигме цеви терчен Ченрезиг
Дриме кьенпи вангпо **Джамбиянг**
Канчен кьенпи цугьен Цонкапа
Лобсанг Драгпи **шабла** сольван деб.

Тиб. транслит.

dmigs med brtse ba'i gter chen spyan ras
gzugs
dri med mkhyen pa'i dbang po 'jam dpal
dbyangs
kang cen mkhyen pa'i gtsug rgyen tsong
kha pa
blo bzang grags pa'i zhabs la gsol ba 'debs

Рус.

К сокровищнице безъобектного
сострадания — Авалокитешваре,
К владыке незагрязненного ведения —
Манджушри,
К короне мудрецов [Страны] Снегов¹ —
Цонкапе,
К стопам Лобсанг Драгпы² обращаюсь!
[пер. наш. — Г. К.].

Ярким примером калмыцкого текста поклонения Будде Шакьямуни является короткая молитва: «Эльгян тётксн ольгксн беднян бурхн бакшин кегян шакж чидгч

¹ Страна Снегов (тиб. kang can zhing / yul) — поэтическое название Тибета.

² Лобсанг Дракпа (тиб. blo bzang grags pa) — монашеское имя Цонкапы.

шакж маву бурхнд мани хоир ульмяд таср-луга мёргмү [Рукописный сборник]. Реконструкция этого текста на современный калмыцкий язык будет выглядеть следующим образом: «Йилһн Төгсн Үлсн биднэ бурхн багшин гегэн Шагж Чадгч — Шагж Муни бурхнд мань хоир өлмэд тасрл уга мёргмү» — «Непрерывно склоняюсь пред двумя стопами нашего будды, Бхагавана¹, наставника, Шакьяского Мудреца — Шакьямуни» (пер. наш. — Г. К.). Словосочетание «Эльгян тэгксн ольгксн» в оригинальном калмыцком тексте представляет собой ойратскую форму одного из эпитетов будды Шакьямуни, являющуюся калькой тибетского выражения — *bcom ldan 'das* – Бхагаван. «Шакж чидгч» — также ойратско-монгольский эквивалент тибетского варианта «*Shākyā thub pa*», этимологически восходящего к санскритскому «*Śākyā muni*». В ойратских переводных буддийских произведениях, основу которых заложил Зая-пандита Намкайджамцо, форма «*Śākyā čidačči*» как эквивалент тибетского «*Shākyā thub pa*» не встречается. Можно предположить, что текст этого поклонения был создан калмыцким монахом, который хорошо разбирался в монгольских и ойратских переводных произведениях. Желая безукоризненно следовать тибетской традиции, он постарался, как в свое время тибетцы переводили с санскрита каждое слово на свой язык, максимально использовать родные слова для обозначения санскритских понятий. А чтобы верующим было понятно, о ком идет речь, он оставил и санскритский эквивалент Шакж маву — Шакж муни. Это дублирование имени Будды, вероятнее всего, нужно объяснять требованием тибетско-монгольского словаря «Мэргэд гархуйн орон» — «Источник мудрецов», с которым неизвестный нам калмыцкий монах, вероятнее всего, был знаком и в котором говорится: «При переводе собственных имен ученых, чудотворцев, ханов, сановников и простолюдинов, а также названий стран, цветов, плодоносных деревьев, когда затруднительно понимать и произносить слова, хотя бы и возможно было перевести по догадкам, но не вполне достоверно, необходимо поставить индийское или тибетское название, сопровождая его на подобающем месте словами «ученый», «хан», «цветок», и пр...» [цит. по: Цыбиков 1991: 47].

¹ Бхагаван – санскр. Благословенный. Эпитет Будды.

4. К четвертому блоку текстов — гимнам и заклинаниям на калмыцком языке и санскритским мантрам — можно отнести молитву-гимн Авалокитешваре, которая называется «Арвн хоир нигүртэ», и молитву-гимн «Шарин дөрвн кид», посвященную четырем крупнейшим тибетским гелугпинским монастырям [Рукописный сборник]. К заклинаниям мы относим такие молитвы, в которых в короткой форме верующими испрашивается помощь у будд: «Цаг босин үкл өвчн зуурдин шалтг хамгиг уга болһж евән сөбрхтн²» — ‘Соблаговолите защитит от преждевременной смерти, болезней, препятствий на пути, устраните их все’. Санскритские мантры, представленные в рассматриваемых нами молитвенных сборниках, как упоминалось ранее, сильно искажены. Приведем пример одной из таких мантр: «Эма хум баазр гүр бадмин синда». Представленная мантра есть неполный текст сердечной мантры Гуру Падмасамбхавы, известной как «Ваджра гуру мантра». В транслитерации на русский язык она звучит так: «Ом ах хум ваджра гуру падма сиддхи хум». Как известно, в калмыцкой традиции существуют и различные варианты народных форм (с искажениями тибетского оригинала) самой известной буддийской мантры «Ом мани падме хум».

Таким образом, буддийская традиция чтения молитв и занятий буддийской практикой мирян, зародившаяся еще в древности, с распространением буддизма за пределы Индии претерпела значительные изменения, преломившись в призме этнических культур. Однако пост и моления мирян в особые дни, которыми являются восьмое, пятнадцатое и тридцатое числа каждого лунного месяца, характерны как для индийских мирских последователей Будды, так и для всех остальных буддистов. Калмыцкая буддийская традиция домашних молений включает неоднородные по структуре и происхождению тексты, которые читали верующие калмыки. Все тексты передавались в устной традиции, отчего они имеют значительные грамматические ошибки и искажения (как ойратских письменных, так и тибетских текстов), вместе с тем калмыцкие тексты сохранили архаичные письменные формы «тодо бичиг» — ойратского «ясного письма». Все молитвы можно разделить на четыре группы, согласно их происхождению из тибетских или перевод-

² В цитатах сохранена орфография источника [Рукописный сборник].

ных, монгольских и ойратских, буддийских канонических сочинений. Некоторые молитвы — гимны, заклинания и обращения к божествам, исполнявшиеся верующими калмыками, — были составлены и написаны калмыцкими монахами, что подтверждают лингвистические данные.

Традиция домашних молений верующих калмыков недостаточно исследована, ее изучение имеет большое значение для истории языка, религии и традиционной культуры калмыцкого народа, что потребует в последующем работы по идентификации текстов, входящих в сборники калмыцких молитв, исполнявшихся и продолжающих исполняться во время домашних молений.

Сокращения

БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь.

ДТС — древнетюркский словарь.

Калм. Н. В. — калмыцкая народная версия

Калм. совр. — калмыцкий современный

Ойрат. — ойратский

Ойрат. транслит. — ойратская транслитерация

Рус. — русский.

Тиб. — тибетский

Тиб. транскр. — тибетская транскрипция

Тиб. транслит. — тибетская транслитерация

Источники

[БАМРС] Большой академический монгольско-русский словарь. Под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 2. М.: Изд-во АCADEMIA, 2001. 536 с.

Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 687 с.

Рукописный сборник молитв из коллекции автора, записанный для личного пользования Ут-насуновой Эльзэтой Акимовной, 1898 г. р.

bkra shis brtsegs pa. (Изд-во mtshon sngon mi rigs dpe skrun khang). Taiwan. 2009. 442 p.

caqlaši ügei nasun belge biliqtei – ойратский текст из коллекции автора.

stod smon phyogs bsgrigs. Изд-во mtshon sngon mi rigs dpe skrun khang. Taiwan. 1996. 376 p.

Интернет-источники

Берзин А. Распространение буддизма в Азии (первонач. опубли.: Berzin A. Buddhism and Its Impact on Asia // Asian Monographs. № 8. Cairo: Cairo University, Center for Asian Studies, June 1996) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.berzinarchives.com> (дата обращения: 25.03.2015).

Пийя Тан. Миряне, достигшие пробуждения [Электронный ресурс] // www.theravada.ru/Teaching/Works/laymen-awakeing-3-sv.htm (дата обращения 15.02.2015).

Литература

Бадмаева Г. Ю. Молитвенные напевы обряда мацг (день поста) // Калмыки. (Том серии «Народы и культуры»). М.: Наука, 2010. С. 350–351.

Бакаева Э. П. Буддизм // Калмыки. (Том серии «Народы и культуры»). М.: Наука, 2010. С. 406–429.

Бакаева Э. П. Калмыцкий буддизм: история и современность // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2008. С. 161–200.

Бакаева Э. П. К этническим характеристикам калмыцкого буддизма: обряд «мацг» // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. Ч. 2. С. 120–123.

Борманжинов М. Путь к истине // O rient. Альманах. СПб.: Утпала, 1998. Вып. 2–3. С. 252–266.

Донец А. Н. Сутра «Поучения Вималакирти». Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. 144 с.

Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения. 1884–1886 гг. Репринт. изд-е. Элиста, 1991. 76 с.

Ик дүүцн мацгин мөргүлин ном. Сост. Дандырова Н. М. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 160 с.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 368 с.

Өдр болһна бүтэлин хуранһу. Сборник для ежедневных практик. На калм. и рус. языке / сост. Г. Б. Корнеев. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 126 с.

Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. (Серия «Наше наследие») – Изд. Репринт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.

Раднаабадраа. Равжам Зая бандидын тууж Сарны гэрэл хэмээх оршив. Bibliotheca Oiratica. Т. XII. Улаанбаатар: Соёмбо принт, 2009. 252 х.

Розенберг О. О. Труды по буддизму. М.: Глав. ред. вост. лит., 1991. 295 с.

Торчинов Е. Введение в буддизм: Курс лекций. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. 430 с.

Хижняк О. С. Ступа: начало формирования буддийского культа. СПб.: Изд-во СПб гос. ун-та., 2008. 274 с.

Царь благих пожеланий. Йөрэлин хан. Сборник буддийских молитв (учебное пособие) / под ред. Г. Б. Корнеева. Элиста: Изд-во «Океан мудрости», 2015. 144 с.

Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 2. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1991. 230 с.

Шивлянова В. К. Калмыцкий обряд «Мацг Өдр» (День поста) и проблемы структурно-стилистического единства молитвенных напевов // Mongolica V. СПб., 2001. С. 113–118.